

Александра, дочь Марата

— Поговори со мной...

— Я тебя люблю, Саш.

Я сама слышу, что слова какие-то неживые: бумажные, что ли? Нет, скорее картонные... Они падают в никуда, и нужно бы остановиться, закруглиться по-быстрому и не мучить ни его, ни себя — все равно ничего из этого не выйдет. То есть не выйдет из нашего сегодняшнего свидания, а остальное — ну, это мы еще посмотрим! Я очень упрямая... наверное, поэтому я так и не прощаюсь и зачем-то прошу:

— Скажи еще раз...

— Я тебя очень люблю.

— Я тебя тоже очень.

— Как ты? — снова спрашивает Дэн.

— А что мне станется? Я ничего...

Наверное, он хорошо слышит, как я вздыхаю. Еще яжимаю плечами, и накинутый жилет падает. Спине сразу становится холодно от стекла, но я не двигаюсь. Потому что мне не хочется ничего поднимать — так же как не хочется заканчивать этот вяло тянущийся разговор. И зачем я ему позвонила, если знала, что никакого толку не выйдет? Обычно я дружу со здравым смыслом — но не сегодня.

Я сижу на подоконнике, широком и прочном деревянном подоконнике в оконной нише, — моем излюбленном месте для разных печалей.

— Хочешь, давай завтра встретимся? Я сбегу, — предлагаю я.

— Нет! — тут же пугается Дэн. — Не надо! Давай... переждем, а, Саш?

— Да кому я нужна...

— Я тебя очень прошу — сиди дома! — говорит он тоном приказа. — И не делай глупостей!

— Ты прям как Марат! — замечаю я и надуваюсь.

Разумеется, я никуда не сбегу: мало того что растрепала Дэну то, о чем никто не должен был знать, так теперь еще и пушу перед ним хвост и обещаю то, чего действительно лучше не делать. Но мозгов у моего парня явно больше, чем у меня.

— Я очень хочу тебя видеть, Саш, но знаешь... тебе пока действительно лучше никуда не выходить. ПОКА так действительно лучше! — говорит он с нажимом.

Я не успеваю в дополнение к хвосту встопорщить перья и каркнуть, что я уже взрослая и сама могу решать, как лучше, но слышится щелчок, и насморочный голос говорит:

— Сашенька, не занимай, пожалуйста, городской телефон! Папе... гм... должны позвонить!

Ладно. Ладно! Мобильник у меня отобрали, а городской, видишь ли, занимать не велено! Однако сегодня я хорошая девочка.

— Конечно! — говорю я, не прощаясь, потому что и так все ясно, и с силой вдавливаю кнопку отбоя.

Зимой смеркается рано. За окном уже темным-темно, лишь цепочка низеньких круглых фонарей уходит от нижней террасы дома вниз и теряется за стеной стриженных елок. В комнате тоже не видно ни зги. Можно щелкнуть выключателем и, как говорится, рассеять воинство тьмы, но... легче от этого не будет.

Я спрыгиваю с подоконника, нашариваю на полу жилетку и закутываюсь в мех, слабо пахнувший духами и другой, еще счастливой зимой, до самого подбородка. В другое время я бы включила комп и нашла утешение в Сети, но сегодня мобильная связь и инет вырублены во всем доме: таковы условия.

И от этих дурацких, неизвестно кем выставленных условий и от того, что совершенно некуда себя деть, проклятое сегодня все тянется и тянется, даже сумерки не приносят облегчения. Кроме того, лишь говоря по мобильнику, я действительно чувствую, что Дэн тут, почти рядом. Только сейчас я поняла эту разницу: с мобилой можно уйти в какой угодно угол, да хоть и на край света. Я не знаю места, где отсутствовала бы мобильная связь... или просто я в таких местах не бываю? Да мне туда и не надо! Но мне очень важно ощущение присутствия... и чтобы никто не дышал в параллельной трубке. И не стоял за спиной, когда пишущие ответ пальцы Дэна бегают по клавише. Чтобы никто из соседей по его общаговской конуре не давился поганым смешком и не корчил многозначительные идиотские рожи за его спиной, читая мое «я люблю тебя...». Наверняка они, эти конченные придурки, гогочут и мерзкими голосами интересуются, как мы трахаемся и какая я в постели — бревно бревном или ничё-себе-так-телочка.

Я слишком остро и тонко чувствую слова, как некоторые — вкус или запах... а эти, от которых несет прогорклым салом, просто ненавижу так, что даже дыхание сбивается. Мы с Дэном не трахаемся. Мы любим друг друга. Очень сильно и очень нежно. Но объяснять это всем и каждому?.. Да было бы перед кем метать бисер! Я снова льну к окну: стекло приятно холодит лоб, но стоять так и ждать с моря погоды неизвестно сколько... нет, это невыносимо! Внезапно мне в голову приходит еще одна мысль: если мне невыносимо, как же там, внизу, ОН?!.. Который не знает, что случилось с той, которую он любит? Возможно, так же

сильно и так же нежно, как я — Дэна? И которая вот уже больше суток как вышла из этого дома — и словно бы растворилась, пропала, исчезла, потерялась в пространстве времени и зимы!..

Я знаю, Марта уверена, что отец и Алиса поссорились и моя молодая взбалмошная мачеха просто-напросто решила его проучить. Марат же считает, что все гораздо серьезнее и его жену похитили. Похитили... Это слово звучит отвратительно. От него одновременно дует затхлым воздухом старого подвала и ледяным ветром. Я ежусь, будто окно случайно распахнулось во всю ширь: прямо в мороз, в зиму, в темный исход декабря...

«Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...» Вечор, вчерась, намедни, третьего дня... Я люблю пробовать все эти анахронизмы на язык, катая их во рту, как гладкие камешки. И, если набрать вот таких слов-камешков побольше, то с непривычки начинаешь шепелявить уже по-настоящему, путаясь во фразах, как в подоле бального платья со шлейфом. Слова — та же одежда, только не все это замечают.

— Вечор мела метель, милостивые государи, и вчерась мела, и третьего дни тоже, — говорю я грустно и с чувством.

Я плющу нос о стекло, но картина, зримая окрест, остается все той же: занесенные снегом геометрические ели и туи, зигзагами спускающиеся вниз, подсвеченные снизу, как муляжи в какой-нибудь псевдоисторической диораме. И эти зеленые насаждения даже на вид мерзлые-перемерзлые, и свет тоже мерзлый и неживой. Да и не зеленые они, а так... Какие-то коричнево-серые: только те, что топорщатся голубыми иглами, еще скрашивают пейзаж, остальные же унылые, как отгораживающий их от улицы добротный каменный забор с железными острями и кляксами снега. Все это куда холоднее стекла... Я отрываю от него лицо — все равно ничего нового не увижу.

За нашим забором с карточными черными пиками тонет в снегах соседний участок, за ним — еще один. Мне начинает казаться, будто вся земля до самого горизонта поделена на такие вот участки с ледяными копиями оград. И даже если смыться отсюда, то все равно не выбраться, хоть беги сутками напролет... через мерзлые железяки, по стылому кирпичу, обламывая ногти и оставляя на этих чертовых копиях частички самой себя. Пока они не разберут тебя на атомы: бесконечные заборы, условия, ограничения... Через тернии — к звездам!.. Звезд нынче не видно. Нынче, как и вчерась, — анахронизм. И все, что длилось и длилось сегодня, тоже сплошной анахронизм. Хронос — это время, ана — против. Время работает против нас. Или все-таки за? Этого я пока тоже не знаю...

Я все торчу у окна — единственного портала в мир, который у меня остался. Я отчаянно не люблю хóлода... зимы... снега... и противодействия. Марта утверждает, что я избалована. У меня есть все, о чем они с моим отцом в юности могли только мечтать. Я даже училась в Англии. Этим Марта попрекает меня постоянно, страдальчески закатывая свои небесного цвета глазки, а потом на горестном длинном выдохе изрекает: «Боже мой... ты училась в Англии! Нам в твои годы такая роскошь и не снилась!» Я не знаю, что ИМ с Маратом снилось и снится ли хоть что-нибудь вообще, но Англия — это было еще то времяпрепровождение, скажу я вам! И потом, ни моему драгоценному папá, ни его сестре не возбранялось ни дружить с кем захочется, ни учиться как бог на душу положит. Да и школа, в которую они ходили, была самая обыкновенная, о чем Марта непременно вспоминает, когда нужно лишний раз сказать мне, что Марат ну просто ах какой одаренный — не то что я, разгильдяйка, на которую они не жалеют ни времени, ни денег, ни отчей любви... Ага, как раз от избытка